

«Лучшие женщины — это мужчины»

Беседа с «заместителем» Эрика Курмангалиева Ярославом Здоровым

Когда знаменитый Эрик Курмангалиев ушел из театра Виктюка, даже самые пылкие поклонники режиссера решили: все, «М. Баттерфляй» теперь тихо умрет.

Представить себе этот шумевший спектакль про китайского шпиона, много лет заставлявшего французского дипломата считать его блестящей оперной певицей и прекраснейшей из возлюбленных, без Эрика было просто немыслимо.

Курмангалиев великолепным мужским сопрано пел арию Чжо-Чжо-сан, двигаясь по сцене с грацией пантеры, томно разыгрывающей из себя кошку, и вообще, как говорится о герое спектакля, был «восточным мужчиной, а значит, не совсем женщиной».

Найти замену для этой скандально-странной роли даже в скандально-странном театре Виктюка казалось невозможным. Но вот на гастроли в Ригу, а потом и во Владивосток театр приехал с «М. Баттерфляй». В главной роли — Ярослав Здоров.

...Появления Здорова на сцене знатоки ждали с особым любопытством. И были поражены. Незнатоки просто ничего не поняли. «Почему говорили, что здесь женщину будет мужчина играть? Это же настоящая баба!» — удивленно басили рядом со мной бизнесмены, которым оказались по карману 35-тысячные билеты.

Насчет бабы — это они, конечно, загнули. Изящнейшая, утонченная женщина, такая изысканная ломка-недотрога, появившаяся на сцене в шуршании шелков и околдовывавшая публику завороченным, чистым до хрустальности голосом, к такому определению

отношения не имела. Но в одном бизнесмены оказались правы. Даже твердо зная: перед тобой — мужчина, представить это было невозможно. Невольно возник вопрос: да откуда взялся у Виктюка этот актер?

Ответить я попросила самого Ярослава, с женским изяществом снимавшего после спектакля грим.

— Мне 23 года. Я родился в Ярославле, учился в Ташкентском институте искусств. Потом приехал в Москву, пытался устроиться в какой-нибудь театр. Наконец меня приняли к Алексею Рыбникову. Там я играл в «Литургии»...

— А как оказался в «М. Баттерфляй»?

— О, это почти чудо. Я давно был влюблен в театр Виктюка, бегал на все спектакли, «М. Баттерфляй» знал чуть не наизусть. Потом услышал, что из-за конфликтов с режиссером Курмангалиев ушел из труппы. Но заменить его я даже не мечтал! И вдруг однажды вечером раздается телефонный звонок: Роман Григорьевич, с которым я лично был не знаком, просит меня прийти попробовать на роль...

— И какие чувства ты при этом испытывал?

— Панического страха. Я боялся играть после знаменитого Курмангалиева, знал, что публика неизбежно будет сравнивать. Но репетиции пошли легко.

— А тебя не смущала скандальная слава и театра, и спектакля, который некоторые критики откровенно причисляют к достижениям «голубой» культуры?

— Я думаю, так считают не очень умные люди. Куль-

тура не имеет цвета, она или есть, или ее нет. Все спектакли нашего театра — о любви, о ее странностях, о смешении чувств, а не о натуралистическом смешении полов. Мы играем то, что происходит у человека в сердце, в голове, а не ниже пояса...

— И все же, как тебе удалось так быстро проникнуть в тайны женской привлекательности?

— Наверное, Роман Григорьевич выбрал меня не случайно, в моей природе есть что-то такое... Я рос с мамой, играл в куклы, обожал перебирать наряды. Меня с детства окружали «тряпки», женские проблемы и женские лица.

А вообще границы между женским и мужским характером сейчас расплывчаты. Посмотрите: женщина у нас все чаще «кося на скаку остановит, в горящую избу войдет». А мужчины становятся более изнеженными, мягкими, легко ранимыми. Что это — плата за цивилизацию, горе от ума, — ведь не секрет, что таким процессам более подвержена интеллигенция?

— Ярослав, а в тебе самом какие качества преобладают: женственные или мужественные?

— Честно сказать, не знаю. До 23 лет дожид и еще не разобрался. Подруги пока нет... Но я к тем, кто мечтает о перемене пола, я не принадлежу. Знаете, Роман Григорьевич как-то сказал, что актер — это вообще человек вне пола, он что-то третье, еще не изученное. Может, в чем-то он и прав...

Беседу вела
Наталья БАРАБАШ.
Владивосток.